

повторяетъ также слова, за долго до того времени изреченныя объ Немъ Пророками и приличныя одному Богу, для того, чтобы люди изъ-за Его плоти и изъ-за внѣшности не составили объ Немъ понятій унижительныхъ, недостойныхъ Его Божества: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася; Господь воцарися, въ льпоту облечеся; покрыла есть небеса добродѣтель Его и разума Его исполнь земля.* Говоря это, онъ покрываетъ дары, т. е., хлѣбъ и чашу, честными покровами и кадитъ со всѣхъ сторонъ: ибо и сила воплощеннаго Бога въ теченіе извѣстнаго времени, до времени чудесъ и свидѣтельства съ неба, была прикровенна; но кто былъ такъ мудръ, что могъ говорить объ Немъ: *Господь воцарися, въ льпоту облечеся,*—и прилагать къ Нему и всѣ прочія изреченія, приличныя Богу, тѣ узнавали Его, чтили, какъ Бога, и различали тотъ покровъ, который на Немъ былъ. Это-то самое и изображая, іерей говоритъ при прикровеніи даровъ: *покрый насъ кровомъ крилу твоею,* и кадитъ повсюду. Послѣ этихъ словъ и дѣйствій священникъ молитъ Бога, чтобы въ этомъ священнодѣйствіи все достигло до Него по назначенію; потомъ идетъ къ престолу и, ставъ предъ священною трапезою, начинаетъ самое священнодѣйствіе.

ГЛАВА 12.

О начальномъ славословіи.

Первое мѣсто въ ряду священныхъ словъ

занимаетъ начальное славословіе: *благословенно царство Отца, и Сына, и Святаго Духа*. Молитва къ Богу обыкновенно состоитъ въ благодареніи, въ славословіи, въ исповѣданіи, въ прошеніи. Но первое мѣсто между ними принадлежитъ славословію, въ особенности потому, что таково правило людей благоразумныхъ, приступающихъ ко Господу, — прежде всего выставляютъ на видъ не то, что касается ихъ самихъ, а то, что какъ будто бы только и относится къ Господу. А таково именно и есть славословіе: ибо кто проситъ, тотъ водится желаніемъ поправить свои обстоятельства; кто приноситъ исповѣданіе, стараясь освободиться отъ зла, тотъ также выставяетъ себя на видъ; и кто благодаритъ, очевидно дѣйствуетъ подъ вліяніемъ удовольствія при видѣ своихъ благъ; а кто приноситъ славословіе, тотъ оставляетъ въ сторонѣ и себя, и все свое, и славословитъ Господа ради самаго Господа, ради Его силы и славы. Затѣмъ и самый порядокъ вещей, самая сообразность съ существомъ дѣла требуютъ, чтобы на первомъ мѣстѣ здѣсь было славословіе. Какъ только мы приступаемъ къ Богу, мы прежде всего познаемъ Его неприступную славу, силу и величіе; слѣдствіемъ этого бываетъ удивленіе, изумленіе, и т. под., — а это уже и есть славословіе; если мы пойдемъ далѣе, узнаемъ Его благодать и человѣколюбіе, — слѣдствіемъ того бываетъ благодареніе; послѣ того мы начинаемъ созерцать все величіе благодати Его, все богатство Его человѣколю-

бія; первымъ и вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ этого величія, этого богатства для насъ служить то, что мы сами такъ худы, и что, не смотря на то, Онъ не перестаетъ намъ благодѣтельствовать; это доказательство убѣждаетъ насъ, какъ человеколюбивъ Богъ, и убѣждаетъ лучше другихъ: потому что оно ближе къ намъ, оно въ насъ, оно у насъ передъ глазами; между тѣмъ, если мы будемъ припоминать свои дурные поступки предъ Богомъ, — это и будетъ то, что называется исповѣданіемъ. Прошеніе же занимаетъ четвертое мѣсто; послѣ такихъ размышленій, посредствомъ которыхъ мы познаемъ благодѣтельность и человеколюбіе Божіе въ отношеніи къ намъ, само собою слѣдуетъ, что мы должны смѣло быть увѣрены въ томъ, что, въ чемъ мы нуждаемся, то непременно получимъ, если будемъ просить. Если уже Онъ былъ такъ благъ къ людямъ худымъ, то каковъ будетъ для тѣхъ, кто перемѣняется (къ лучшему), кто уже оправданъ за то, что исповѣдалъ свои грѣхи, по слову Пророка: *глаголи ты прежде беззаконія твоя, да оправдишися!* Такимъ образомъ славословіе занимаетъ первое мѣсто въ ряду молитвы; по этой причинѣ прежде всякой молитвы, прежде всѣхъ священныхъ словъ, священникъ славословитъ Бога. Но за чѣмъ онъ провозглашаетъ троицность въ Богъ, а не единство Божіе? Не говоритъ: благословенъ Богъ, или — благословенно царство (Божіе), но различаетъ Лица: *благословенно царство*

Отца, и Сына, и Святаго Духа? — Потому, что чрезъ вочеловѣченіе Господа люди въ первый разъ узнали, что въ Богѣ три Лица; а между тѣмъ, что совершается здѣсь, то служитъ таинственнымъ изображеніемъ этого самаго вочеловѣченія Господня; поэтому и нужно, чтобы въ самомъ началѣ этого священнодѣйствія просіяла, была провозглашена Троица. Послѣ славословія онъ предлагаетъ прошеніе, говоря: *миромъ Господу помолимся. Ибо мы, о чемъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣ- мы;* чтобы поэтому мы не пустословили, онъ даетъ намъ касательно молитвы необходимыя наставленія, и прежде всего научаетъ, какъ нужно молиться,—что нужно молиться *миромъ*. Но почему онъ послѣ славословія непосредственно велитъ возсылать прошеніе, между тѣмъ какъ еще не было ни исповѣданія, ни благодаренія Богу? Потому, что въ этомъ словѣ: *миръ*—заключается уже мысль о тѣхъ (видахъ молитвы), если только кто захочетъ настоящимъ образомъ объ этомъ поразмыслить: ибо кто недоволенъ встрѣчающимися съ нимъ въ жизни обстоятельствами, тотъ не можетъ имѣть и мира въ самомъ себѣ; его имѣетъ только человекъ благо-разумный, который за все благодаритъ, по праву блаженнаго Павла; не можетъ имѣть и тотъ, у кого не чиста совѣсть, а чистая совѣсть безъ исповѣди дѣло невозможное. Такимъ образомъ кто молится съ миромъ, у того въ душѣ уже было и благодареніе и исповѣданіе. А притомъ и прошеніе, которое они приносятъ

Богу, представляет ихъ и благодарящими, и исповѣдающимися. О чемъ они просятъ? О помилованіи. А это просьба осужденныхъ; когда у этихъ послѣднихъ нѣтъ болѣе никакихъ средствъ къ защитѣ, когда имъ нечего уже бываетъ говорить въ свое оправданіе: они обращаются къ судѣ съ этимъ послѣднимъ словомъ въ надеждѣ—получить просимое, если уже не по праву, то—по его человѣколюбію. А кто поступаетъ такъ, тотъ этимъ самымъ свидѣтельствуесть, съ одной стороны, объ особенномъ добродушіи судіи, съ другой,—о своихъ дурныхъ качествахъ: здѣсь одно есть свойство исповѣди, а другое свойство благодаренія. Къ молитвѣ же побуждаетъ народъ священникъ, какъ лице, на то поставленное. Для этого—то собственно онъ и поставленъ во главѣ народа, какъ ходатай за него и посредникъ,—чтобы его молитва была дѣйствительна и имѣла больше силы, какъ сказалъ и Апостоль Іаковъ: *много бо можетъ молитва праведнаго*, когда и всѣ тѣ, за кого возсылается молитва, прилагаютъ къ тому все, что только нужно съ ихъ стороны, благіе нравы, молитву, покорность и другія добрыя качества, о которыхъ знаютъ, что онѣ пріятны Богу. Какое же первое, непосредственно слѣдующее за тѣмъ, прошеніе? *О свѣтѣ мирѣ и спасеніи душъ нашихъ*. Давъ наставленіе сначала о томъ, какое расположеніе духа надобно имѣть во время молитвы, теперь онъ научаетъ и тому, чего прежде всего надобно просить; а именно—сперва царствія Божія и правды его;

такъ какъ спасеніе душъ означаетъ царствіе, а свышній миръ—правду Божию. Объ этомъ мирѣ сказалъ Апостоль Павелъ: *миръ Божій превосходяй всякъ умъ*. Его оставилъ Господь Апостоламъ, отходя ко Отцу, когда сказалъ: *миръ мой оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ*. Какъ тамъ слово: *правда* означаетъ не одно только раздаяніе всего поровну, а выражаетъ собою добродѣтель въ какомъ бы то ни было родѣ: такъ и здѣсь слово — *миръ* означаетъ нѣчто общее, потому что онъ есть плодъ всѣхъ добрыхъ качествъ въ совокупности, плодъ всякаго вообще любомудрія; ибо невозможно стяжать совершенный миръ тому, у кого недостаетъ хотя одной какой нибудь добродѣтели; напротивъ, необходимо пройти по всѣмъ степенямъ добродѣтели тому, кто хочетъ наслаждаться миромъ. Такимъ образомъ нужно сначала приучать себя къ тому, чтобы имѣть миръ съ людьми, какой только возможенъ для насъ; а потомъ просить у Бога Его мира. Такой порядокъ существуетъ и въ отношеніи ко всякой добродѣтели: есть цѣломудріе, которое достигается посредствомъ подвига, и—есть цѣломудріе, которое дается душѣ отъ Бога; и—любовь, и молитва, и мудрость; точно такъ и въ отношеніи ко всему прочему. Потому и священникъ сначала говоритъ намъ о томъ мирѣ, который въ нашей власти, который достигается нами самими, и съ такимъ миромъ повелѣваетъ намъ возносить свои прошенія къ Богу; а затѣмъ—о томъ мирѣ, который дается отъ Бога,

и объ немъ онъ заставляеть насъ молить Бога, когда говоритъ: *о свѣшнемъ мирѣ — помолимся.* Онъ говоритъ здѣсь не о мирѣ только въ отношеніи другъ къ другу, когда мы бываемъ не злопамятны другъ къ другу, но и о мирѣ съ самими собою, когда *сердце наше не зазритъ намъ.* А отъ такого мира великая польза; можно сказать даже—онъ необходимъ намъ на каждомъ шагу, и потому, что для души, волнуемой смятеніемъ, совершенно невозможно достигнуть единенія съ Богомъ, по самому свойству смятенія: какъ миръ производитъ то, что многіе представляютъ изъ себя одно лице, такъ смятеніе одно лице раздѣляетъ на многихъ; какимъ же образомъ такое лице можетъ быть въ согласіи съ Богомъ, Существомъ единымъ и простымъ? Да и потому еще, что, кто молится безъ мира, тотъ не можетъ ни хорошо помолиться, ни получить что нибудь хорошее отъ своей молитвы. Волнуетъ ли челоуѣка гнѣвъ и злопамятство изгнало миръ изъ его души, — онъ не обрѣтетъ чрезъ свою молитву и прощенія грѣховъ, а тѣмъ больше не получитъ какой-нибудь другой милости; или вслѣдствіе какихъ нибудь другихъ грѣховъ челоуѣкъ мучится совѣстію и въ сердцѣ своемъ носитъ упреки, и его волнуетъ такое смущеніе: и въ такомъ случаѣ онъ потерялъ всякое дерзновеніе предъ Богомъ, по извѣстному изреченію,—и, когда молится, молится безъ дерзновенія, т. е., безъ вѣры; а кто молится безъ вѣры, тотъ молится напрасно, безъ всякой

пользы. По этому-то намъ и повелѣвается, чтобы мы и молились Богу съ миромъ, и прежде всего просили себѣ мира свыше, а послѣ этого—возсылали бы съ добрымъ намѣреніемъ прошенія къ Богу и о другихъ предметахъ, — не только о Церкви и государствѣ, о начальствующихъ въ той и другомъ, о тѣхъ, кто находится въ опасностяхъ, въ напастяхъ и въ несчастіяхъ, но — однимъ словомъ — обо всѣхъ людяхъ, о цѣлой вселенной: ибо о *мирѣ* — говоритъ далѣе — *всего міра*. И это въ особенности потому, что своего Господа мы почитаемъ общимъ Господомъ всѣхъ ихъ и вѣримъ, что Онъ обо всѣхъ ихъ заботится, какъ Творецъ о своихъ твореніяхъ,—что, кто печется объ нихъ, тотъ угождаетъ Ему даже лучше того, кто приноситъ Ему жертву; а съ другой стороны—и въ сообразность съ словами блаженнаго Павла, да и мы въ мирѣ ихъ *тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ*; и молимся мы не объ однихъ только благахъ, относящихся къ душѣ, но и о благахъ тѣлесныхъ, для насъ необходимыхъ,—о блаґораствореніи воздуховъ и изобиліи плодовъ земныхъ,—чтобы виновникомъ и подателемъ всѣхъ этихъ благъ мы почитали Бога и къ Нему одному обращали свои взоры: ибо самъ Христосъ повелѣлъ намъ просить у Него, между прочимъ, и насущнаго хлѣба.